

ПЕРВАЯ ПЕСНЯ

Г. СКОРОХОДОВ

Из книги «Клавдия Шульженко», выходящей
в издательстве «Советский композитор».

В НОВОГОДНЮЮ ночь загадываются желания и принимаются решения. И те и другие окрашиваются романтическим светом елочных огней и приобретают оттенок рождественских историй — сладких и трогательных одновременно: «Ах, как хорошо было бы, если бы...».

Решение пойти в театр, «уйти в актрисы» Клавдия Шульженко приняла в ночь под новый, 1923 год. Приближалась ее семнадцатая весна, возраст, казавшийся ей чрезвычайно зрелым, — а еще ничего не было сделано! Хотелось немедленно бросить все — школу, занятия фортепьяно и посвятить себя наконец настоящему делу. Новогоднее решение Шульженко оказалось окончательным и бесповоротным.

И все же, когда Клавдия добегала со своей окраинной Москалеви до центра города и остановилась перед серым зданием Харьковского драматического театра, робость овладела ею. Сколько раз она была здесь, входила с толпой зрителей в эти массивные двери и смеялась, и плакала. А потом дома разбывала увиденно, исполняла все роли сразу. И как-то само собой получилось, что герои ее пьес часто пели — очевидно, они любили песню так же, как и она, как и ее отец. От отца она впервые услышала народные украинские песни, с отцом были связаны ее первые сценические впечатления. Бухгалтер управления железной дороги, он играл в любительском духовом оркестре, а иногда и пел solo в любительских концертах (термина «художественная самодеятельность» в те годы еще не существовало). И, может, быть, именно эти выступления родили у Шульженко первое влечение к сцене и песне...

Массивные двери, к которым наконец направилась Шульженко, оказались заперты. «Значит, не судьба?». Но нельзя же, приняв решение, вот так просто уйти отсюда! Она постучалась раз, другой, третий. Безрезультатно...

Обогнула здание. Из двери, над которой висела потускневшая бронзовая табличка «Вход для гг. артистов», вышли люди в потрепанных одеждах. Старик швейцар, стоявший у порога, спросил ее:

— Ты к кому, девочка?

— Мне необходимо видеть главного режиссера театра Николая Николаевича Синельникова. — сказала Шульженко давно приготовленную фразу.

Швейцар оглядел ее. Перешитое из старенького, но модное пальто и маленькая меховая шапочка — нечто среднее между шляпкой девушки и шапкой девочки — не вызвали у него подозрений. Он попросил подождать и, когда через несколько минут вернулся, сказал:

— Простят пожаловать...

Шульженко прошла на сцену. Здесь, очевидно, только что закончилась репетиция: в беспорядке стояли стулья, посередине — несколько деревянных ступенек от лестницы, ведущей в никуда, а возле кулисы — куст махровой сирени, за которым скрывался рояль. Николай Николаевич сидел в кресле у рампы — такой же седой, как и

на портрете, оживленный, хотя и явно уставший. Возле него — несколько мужчин в пиджаках и рабочих блузах.

— Вы ко мне? — спросил он, заметив Шульженко, и пригласил: — Подойдите поближе. Я вас слушаю.

— Я хотела бы вступить в труппу руководимого вами театра... — это была вторая и последняя из заранее приготовленных ею фраз.

— А что мы умеем? — спросил быстро Синельников.

— Все, — в тон ему выпалила Шульженко и уже почти робко добавила: — Петь, декламировать, танцевать...

— Пожалуй, спойте, — сказал режиссер и указал на рояль. — Наш концертмейстер поможет вам. Дуня, будьте добры!

Дуней оказался худой молодой человек с четко наметившимися затылками. Он отодвинул сиреневый куст и тихо спросил:

— Что вы будете петь?

— «Распрягите, хлопцы, коней».

— А какой у вас голос?

Шульженко вспомнила свои домашние концерты, случайных прохожих, которые нередко останавливались под окнами, привлеченные пением, и уверенно ответила:

— Сильный!

Улыбнувшись, молодой человек объяснил, что речь идет о тональности, в которой собирается петь абитуриентка. После небольшого совещания удобный вариант был найден, и молодой человек объяснил:

— Мы готовы!

О хлопцах, которым советовали распрягать коней и идти спать, Шульженко пела так, как пел ее отец тихими летними вечерами, когда и песня, кажется, не могла нарушить тишины синих сумерек. Голос ее звучал взволнованно и мягко, и песня, исполнявшаяся порой чуть ли не с присвистом, прозвучала как лирический рассказ о влюбленном украинском парубке, мечтающем встретиться со своей дивчинонькой.

— Спасибо, — сказал Синельников, когда Шульженко кончила. — Как вас зовут?

Она представилась и спросила: — А можно еще? Я могу прочитать басню.

— Басню не надо. Сколько вам лет?

— Семнадцать, — соврала Шульженко и исправилась, смутившись, — скоро исполнится...

— Завтра к одиннадцати приходите на репетицию. Мы репетируем «Периколу», — это вам будет полезно...

Молодой человек с затылками провел ее к выходу.

— Еще раз спасибо, — сказал он здесь, — вы отлично пели.

— Я очень рада, — просияла Шульженко. — А скажите: почему у вас такое странное имя — Дуня? — рассмеялась она.

— Так меня зовут друзья, — улыбнулся молодой человек. — Фамилия моя — Дунаевский, а имя Исаак.

«Как он блестяще аккомпанировал, — вспоминает сегодня Шульженко, — до сих пор думаю, что меня взяли на сцену из-за его игры».

172